

ИГРУШКИ ИЗ РАСТЕНИЙ В ДЕТСКОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ И БЕСЕРМЯН¹

Игрушка как предмет детской игровой деятельности интересна в качестве своеобразного источника эстетических представлений, выработанных народной культурой, отражает социальный опыт и знания детей об окружающем мире. Специфика игры, типология и функции игрушек тесно связаны со средой обитания, типом ведения хозяйства. Удмурты и бесермяне проживают в пределах таежной и подтаежной ландшафтных зон. Основным занятием здесь издавна было земледелие с достаточно хорошо развитой его отраслью – растениеводством. Важное место в хозяйстве занимали неземледельческие занятия: охота, рыболовство и пчеловодство.

Игрушка удмуртов относится к числу редких тем в трудах исследователей XIX – начала XX столетия, что обусловлено особенностями детской игровой среды и направленностью исследовательских интересов тех лет. Небольшие описания и зарисовки игрушек удмуртов, способов игры впервые были сделаны в конце XIX в. и приведены в работах удмуртского собирателя Г.Е. Верещагина [Верещагин 1995, 184–193]. Спустя полвека, в конце 1936 – начале 1937 г., сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института по игрушке г. Загорска (ныне Художественно-педагогический музей игрушки Российской академии образования) А.Н. Рейнсон была предпринята специальная экспедиция по изучению народной игрушки удмуртов [Рейнсон 1940]. Описания некоторых игрушек вошли в сборник игр и развлечений удмуртов [Долганова, Морозов, Минасенко 1995].

В первой половине XX в. коллекции удмуртских игрушек хотя и поступали от разных собирателей в фонды ведущих музеев

России, но игрушки из растений оказались вне поля зрения собирателей, что, возможно, обусловлено сложностью их хранения и сезонным характером. Все игрушки мастерились в весенне-летний период, небольшая часть – осенью. Многие были просты в изготовлении и недолговечны, обычно не имели сложных и красочных декоративных элементов, как, например, куклы или некоторые деревянные игрушки.

Данная статья написана по материалам экспедиций 1999 – 2004 гг. к северным и южным удмуртам, удмуртской диаспоре Пермской обл. и бесермянам – немногочисленной этнической группе удмуртов, проживающей на северо-западе Удмуртии. В качестве игрушки здесь рассматриваются специально изготовленные предметы для детских игр из растений дикорастущей и культурной флоры. Многие образцы рассказчицы мастерили во время беседы, комментируя особенности игры. Игрушки из растений, как отмечалось, носили сезонный характер, поэтому большинство материала собрано в весенне-летний период, когда имелась возможность показать процесс их изготовления и сами игры.

Описания крестьянских игрушек сделаны по рассказам представителей старшего поколения, чье детство и игровой возраст пришлось на первую половину и середину XX в. В этот период, насколько позволяют утверждать источники, промышленная игрушка еще не успела оказать существенного влияния на крестьянскую, изготовленную самими детьми или при помощи взрослых в своей этнической среде. Например, в конце 1930-х гг. отмечалось почти полное отсутствие покупных игрушек у удмуртов [Рейнсон 1940, 122].

Большую и разнообразную группу представляли свистки *шулан* / *с'улан* (бесермяне) из стеблей зонтичных растений, бересты, трав, стручков гороха, стеблей, коры и веток липы. Способы получения звука из игрушек, изготовленных из одних и тех же материалов, могли различаться. Особенно популярны среди детей 5 – 7 лет были простые в изготовлении свистульки из стеблей злаковых культур *куро боз* («соломенная гуделка»). Название *боз*, по мнению рассказчиков, от слова *бозгетыны* («жужжать, гудеть»): «Свистульку *куро боз* делали из ржаной соломы, и она гудела: *бо-бо*» (зап. от

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Н.И. Байсарова, 1930 г.р., д. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛАП 2002]). Бесермяне называли такую свистульку *быз* («волынка») / *куро быз* («соломенная волынка»). По объяснениям рассказчиков, она называлась так, потому что звучала почти как традиционный инструмент бесермян *быз* («волынка»).

Свистульки мастерили в июле-августе, когда ржаная солома достигала необходимой твердости. Пшеничная считалась более жесткой и менее пригодной, так как язычок свистка не обладал нужной гибкостью и не давал необходимой для звучания вибрации: для получения звука требовалось больше усилий. Свистульку мастерили из стебля длиной около 100 мм, оставляя с одного конца естественную перемычку. Именно эту часть клали в рот, когда свистели. С помощью ножа или готга делали небольшой язычок. Гудящий звук получался за счет поступающего потока воздуха и вибрации язычка. Необходимым навыком игры на соломенном пищике было умение извлечь звук, сыграть небольшую мелодию, точно повторить пение птиц, особенно промысловых. Ребенок одновременно мог «гудеть» в две или более соломинок.

Свистки из стеблей злаковых культур были несложными по изготовлению, но чтобы извлечь звук, детям приходилось мастерить их до тех пор, пока свистулька не получалась. У бесермян даже существовало короткое заклинание, сопровождавшее процесс изготовления и адресованное свистулке: «Если будешь свистеть, дам ломоть хлеба с маслом. Если не будешь, воткну в коровью лепешку» (зап. от З.С. Невоструева, 1937 г.р., бесермянина, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2002]); «Из соломы *бъз* делают. Стараешься, чтоб свистело, а не всегда получается. Говорили: "Если засвистишь, хлеб с маслом, хлеб с медом дадим. Давай, свисти". Мы, дети, так говорили. Если получится, то засвистит» (зап. от Л.А. Вершининой, 1937 г.р., бесермянки, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2001]). Ломоть хлеба с маслом и медом у удмуртов и бесермян был предметом жертвоприношений и молений, считался большим лакомством, поэтому такое обещание сулило достаточно щедрое вознаграждение.

Прежде удмуртам был известен подобный язычковый музыкальный инструмент

куро-чипсон – дудочка из ржаной соломы с надрезным язычком. Для игры использовался комплект из двух-пяти штук, расположенных, как у флейты Пана. Все стволы брались в рот одновременно. Так как трубки по высоте не подбирались, инструмент звучал неопределенно [Атлас 1975, 74]. В настоящее время куро-чипсон функцию музыкального инструмента утратил и встречается только в виде детской игрушки.

Популярными в летне-осенний сезон были свистки из полого стебля крупных зонтичных растений (дудник, дягиль) – *узъыгумы шулан* («свистулька из дягиля»). Это полая трубка с сохранением межсекционного узла или без него, игровые отверстия отсутствовали. Инструмент во время игры держали вертикально. Звук извлекался путем вдвухания воздуха и зависел от диаметра, длины трубки и силы воздушного потока. Если трубка имела сквозное отверстие в нижней части, то по мере игры его периодически прикрывали пальцем или ладонью. Размер корпуса обычно достигал 150 – 500 мм. Мастерили свистульку в конце лета – начале осени. Она и сейчас достаточно популярна у детей, сохранилась как развлечение среди сельских пастухов: «У растения три-четыре перемычки. Вырезаешь из растения трубку. Оставляешь перемычку. Кончик, который в рот кладешь, перерезаешь под небольшим углом. Простая это (свистулька. – Соб.). А если не подходит, то можно сделать иначе. В трубке делаешь отверстие, чтоб звук выходил. Это не сразу получается. Нужно звук подгонять, иначе звук не веселый. А тот, что с перемычкой, – простой свисток, очень веселый получается. За километр слышно. Длина трубки сантиметров двадцать. Если длиннее сделаешь, тем лучше. Тонкий, очень звонкий звук получается. У толстой гудящий звук бывает. И сейчас, как иду насти скот, делаю и ту, и эту свистульку» (зап. от М.С. Невоструева, 1930 г.р., бесермянина, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2001]).

Прежде у удмуртов встречался подобный музыкальный инструмент *узъыгумы* – продольная свистковая флейта из стебля зонтичных растений, достигающая в длину до 900 – 1000 мм. Игровых отверстий не было, звук различной высоты извлекали, прикрывая или открывая пальцем нижний конец флейты и меняя силу вдвухания [Атлас 1975,

73; Голубкова 1978, 27]. Название происходит от слова «*гумы*», обозначающего зонтичные растения – дудник, дягиль [Гиппиус, Эвальд 1941, 85]. Срезались две нижние секции ствола растения, внутренние перемычки прожигались или пробивались. Звук извлекался вдуванием, тембр и высота зависели от напряжения губного аппарата, от прикрывания и открывания нижнего конца инструмента деревянной пробкой. На инструменте исполнялись импровизации, традиционные плясовые и песенные наигрыши [Гиппиус, Эвальд 1941, 85; Карпов 1989, 15]. Именно этот популярный прежде инструмент встречался в виде детской игрушки и сохранился до настоящего времени.

Самые элементарные по технологии изготовления свистульки делали из листьев трав и злаков (осока, тимофеевка, пырей) – *турун шулан* («свистулька из травы»). Способы получения звука были разными. Лист натягивали и, расположив между губами, дули. Иногда растение прижимали между большими пальцами и дули в образовавшуюся между фалангами пальцев щель. Ладони рук складывались так, что получалось пространство, выполняющее те же функции, что поляя часть глиняных свистулек. Характер звучания мог зависеть от ширины травинки и вида растения, напора воздушной струи. Звук извлекали, натягивая стебель между губами, кусочками коры, прикладывая к зубьям гребня. Дети старались издать тонкий пронзительный свист или подражали птицам.

Детские игры со свистулками были сопряжены с некоторыми пространственно-временными запретами. Например, не разрешалось свистеть в поле и в лесу во время летнего солнцестояния и сенокоса. Запрет был связан с представлением, что свист и шум вызовут непогоду. Детям не позволяли свистеть в избе, полагая, что этим они напугают или рассердят *коркакузё* («хозяйина дома») – мифологическое существо, охраняющее дом и семью. Специально же просили свистеть, когда хотели вызвать легкий ветер во время веяния зерна или сушки травы. Если же ребенок свистел постоянно, говорили, что он «просвистит свое богатство и счастье».

Свистулька из травы турун шулан. Д. Ворца Ярского р-на УР. 2004 г. Фото Е.В. Поповой.

Сезонный характер имели некоторые игрушки с механическим эффектом – брызгалки и метательные устройства из полых трубчатых растений. В перемычке трубки пробивали небольшое отверстие, затем поршнем выдавливали воду. Брызгалкой играли обычно у водоема: «*Есть такая трава. Ствол у нее длинный. Его срезаем, но оставляя перемычку. С другого конца просовываем палку с намотанной тканью, и брызгаемся. Набирают в трубку воду, как наполнится – брызгают. Такая хорошая была игра*» (зап. от Р. Нурисламовой, 1924 г.р., д. Кирга Куединского р-на Пермской обл. [ЛАП 2001]). Если трубка имела отверстия с обоих концов, то поршнем выдавливали зажеванные кусочки листьев или травы. Такие игрушки были больше распространены среди мальчиков. Широкое использование полых трубок для изготовления простых музыкальных инструментов и поршней мы встречаем в разных культурах [Пещерева 1957, 39–40; Вестник 1997, 75–76].

Из растений и листьев мастерили и кукол *бабай* («дитя / ребенок»). Игрушка скручивалась из листьев, аналогично тряпичной кукле-закрутке. По свидетельству рассказчиков, наиболее интересными эти куклы получались осенью, когда листья подбирали разного цвета. Это позволяло разнообразить «наряды» куклы: «*Маленькие, размером с палец скручивали. Красивые листья, зеленые так зеленые, желтые так желтые. Красивый платок, красивую кофту делали, потом юбку. Из листьев так делали. Листья скручивали, кукол делали. Вот, смотрим, у кого больше народа, наберем детей*

(кукол – Е.П.)» (зап. от Л.А. Вершининой, 1932 г.р., бесермянки, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2001]). Предпочтение отдавали изготовлению кукол «женщин» и «молодух», что позволяло расширить сюжетно-ролевые возможности игры и оформление костюмов.

Интересна кукла удмуртов из листьев, изготовленная в технике плетения, имеющая скорее форму гусеницы, нежели антропоморфный облик. Первый лист (голову куклы) складывали в треугольник, чуть ниже оплетали следующим сложенным пополам листком, и так несколько раз. Последний листок – основание куклы – перевязывали травой, чтобы игрушка не расплелась. Эта фигура, практически не имеющая аналогий с фигурой человека, называлась *мунё*. В высоту она могла достигать 50 – 70 мм. Ее мастерили преимущественно осенью. Выбор разноцветных листьев позволял собирать интересную по цветовому решению форму.

Распространенным материалом для изготовления игрушек была солома. Удмурты мастерили соломенные куклы, близкие по технологии к русским «стригункам». Солома, обшитая тканью, у бесермян служила каркасом для большинства тряпичных кукол.

Игрушки из растений использовались в качестве предметов для заполнения летнего

игрового пространства, которое называли *корка* («изба»), *горинча* («горница»), *тылыс* («шалаш») и огораживали досками, ветками, чертой на земле. Важным элементом игры было приготовление «блюд» и «стола», наличие «хозяйства», включавшего вышедшие из обихода бытовые предметы, черепки от посуды или сделанные из глины, трав, листьев, щепок и коры. Здесь растения, в зависимости от размера и формы, были или «посудой», или «едой». Например, подорожник мог заменять чайные чашки или небольшие тарелки, лист репейника – большое блюдо или даже скатерть / полотенце: «*Зимой играли в избе, летом на улице. У кого-нибудь делаем в саду под черемухой "дом". Приглашаем гостей. Листья липы были у нас лепешками. Мы даже ели листья липы. Они не горькие, считались вкусными*» (зап. от Р. Нурисламовой, 1924 г.р., д. Кирга Куединского р-на Пермской обл. [ЛАП 2001]). Игра предполагала «посещение ярмарки», «выезд в гости» и «прием родственников» с соблюдением элементов традиционного гостевого этикета, исполнение гостевых и обрядовых напевов.

Обычно большую часть игры в «дом» занимало его обустройство и приготовление «блюд». Девочки делились кулинарными рецептами, сервировали стол: «*Играли в дом – горинча. Если мать что-то стряпа-*

ла, то иногда выносили туда. Позовем подружек и принимаем их как гостей. Весной как пойдет березовый сок, то березовым соком угощали, как самогоном. Делали всё так, словно принимали гостей» (зап. от А.А. Девятовой, 1941 г.р., с. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛАП 2002]). Изготовление «традиционных блюд» и утвари из глины считалось девичьей игрой: «*С глиной девочки играли. Делали горинча. Стряпали. Парни не играли с глиной, только кидались*» (зап. от Н.И. Байсарова, 1930 г.р., с. Бураново Мало-Пур-

Игра «в дом». Д. Жувам Юкаменского р-на УР. 2003 г. Фото Е.В. Поповой.

гинского р-на УР [ЛАП 2002]); «Из травы, глины делали выпечку, перепечи², лепешки. Перемешивали глину и пекли хлеб. Это была игра девочек» (зап. от Е.В. Барановой, 1939 г.р., с. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛАП 2002]).

Травы и цветы использовались и в качестве «начинки» для «выпечки»: «Из глины пекли шаньги (открытый пирог с начинкой. – Е.П.), сверху на них лепили разные травы и цветы. <...> Мы друг к другу идём в гости. Я к подруге иду, подруга ко мне. "Ой, у тебя какая красивая выпечка, а у меня некрасивая, а у тебя красивая". В свадьбу не играли. В нашем детстве свадеб было не так много. Поэтому мы не очень понимали в нее играть. Обычно в дом играли. Мы выросли после войны, тогда свадеб не было» (зап. от М. Шакировой, 1936 г.р., д. Кирга Куюдинского р-на Пермской обл. [ЛАП 2001]); «Собирались в небольшом лесочке за деревней. Играли в "приглашение кумы", в свадьбу. Одна невестой была, другая женихом. Из листьев угощения делали. Это у нас, говорили, шаньги, а это – перепечи. Отдельно, в секрете друг от друга готовили, чтоб другие не знали, какое у нас будет угощение» (зап. от Н.В. Ляпиной, 1922 г.р., д. Тылыс Юкаменского р-на УР [ЛАП 2000]). На листьях деревьев и трав «готовили» хлеб и пироги из глины, подобно тому, как родители пекли на капустных листьях, заменивших прежде железные противни: «Перепечи пекут на листьях. Складывают, сушат на солнце» (зап. от А.Д. Сабрековой, 1915 г.р., бесермянки, г. Глазов УР [ЛАП 1999]).

² Перепечи – традиционное удмуртское блюдо из пресного теста с начинкой из смеси яйца с травой, мясом, грибами или рыбой. Выпечка внешне напоминает ватрушку.

Дети активно использовали в игре не только свои первоначальные кулинарные навыки, знания флоры и фауны, но и некоторые внешние свойства растений, которые для выпечки подбирали особым образом. Например, лепестки ромашки, соцветия одуванчика, размельченная солома заменяли картофельную начинку или кашу; розовые лепестки были свекольной начинкой: «Ой-ой, у нас много было игр. Летом перед избой делали стол. И каких только угощений из цветов не делали. Специально за цветами на луга ходили. <...> Мы пекли шаньги из глины с "творогом", "крупой". С "кашей" пекли из цветов с белыми лепестками, которые клали как крупу. С яйцом – это из желтых цветов. Такое было. Тогда всякие винегреты делать не знали. Красные цветы собирали, это была уже выпечка со свеклой. Кульбяхки называли, кульбяхки (кулебяки. – Е.П.). Стряпали, как со свеклой» (зап. от Е.П. Борисовой, 1931 г.р., бесермянки, д. Шамардан Юкаменского р-на УР [ЛАП 2000]). Из природных материалов дети делали и напитки, например сур (пиво). Обычай готовить пиво на праздники и к приходу гостей у удмуртов и бесермян был широко распространен. Для игры его готовили таким образом: листья и соцветия ольхи разминали и заливали водой, так получали темную жидкость с небольшой пеной.

Изготовление «выпечки» из глины и песка. Д. Жувам Юкаменского р-на УР. 2004 г. Фото Е.В. Поповой.

«Торт» из земли, коры, мха и трав. Д. Жувам Юкаменского р-на УР. 2003 г. Фото Е.В. Поповой.

«Пирожное» из глины. Д. Жувам Юкаменского р-на УР. 2004 г. Фото Е.В. Поповой.

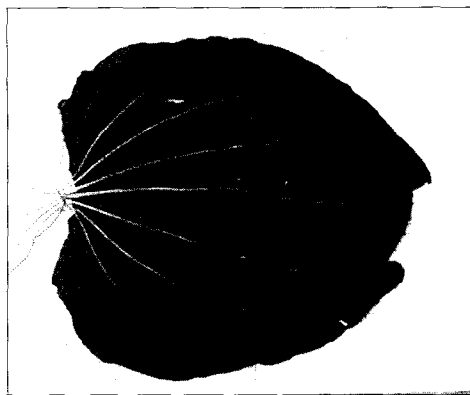
Современную детскую деревенскую среду удмуртов по-прежнему отличает хорошее знание дикорастущих трав. Многие из них служат детям не только материалом для игры, но и являются лакомством. Это листья и стебли аниса, крапивы, горькой редьки, щавеля, сныти. Они входят в число «блюд» во время игры «в гости», «в дом», «в свадьбу». Если многие растения имели функцию условной еды, то съедобные употребляли по назначению. Именно с ними «варили» суп, «пекли» пироги, поскольку это были травы, которые и сейчас применяются в народной кухне. Использование в игре растений культурной и дикорастущей флоры показывает, что дети не только знают, как надо их применять, но и владеют терминологией, осведомлены о сроках и месте сбора. Обычно с ними перестают играть, едва заканчивается сезон сбора, и заменяют другими растениями и ягодами.

С ранней весны до поздней осени дети играли на улице, в окрестностях селения, выполняя по поручению взрослых несложные хозяйственные работы: присматривали за младшими детьми, пасли домашний скот и птицу. В это время они имели возможность собираться небольшими группами и разыгрывать сложные сюжетно-ролевые игры, выстраивать из подручных материалов целые «модели» деревень, усадьбы с огородом: «В детстве мы часто играли у реки с землей. Сделаем настоящий огород. Из веточек складывали изгородь. Из щепок и камней ставили дом. Нароем землю и сделаем грядочки. Втыкаем в "грядки" разные растения. Это картошка. Это огурцы. Между собой это обговаривали. Грядкам название давали: здесь капуста, здесь капуста посажена. Я очень любила эту игру. Может быть, играя, я научилась сажать в огороде. Мне было пять-шесть лет. Целый день играли. Если что-то за один день сделать не успеем, то продолжали на следующий день» (зап. от А.Я. Байсаровой, 1939 г.р., с. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛИАП 2002]). Возделываемые культуры заменялись различными растениями, более или менее похожими на огородные или полевые. Иногда дети использовали в игре листья выращиваемых в деревне культур. Игра предполагала воспроизведение севооборота, распределения растений на «огороде», правил ухода. Растения, внешне напоминающие злаковые и технические культуры, заменяли в игре сено, рожь и лен: «Ой, чего только не делали! Нарвем травы, сложим в старый лапоть и везем, словно сено. Вместо лошадей впрягались сами. Из травы складывали снопы и скирды» (зап. от Е.В. Барановой, 1939 г.р., с. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛИАП 2002]). Среди девочек очень популярна была игра в дергание льна. Например, ромашку аптечную или осоку стелили рядами на земле, затем собирали, перевязывали, складывали в суслоны и скирды, как рожь или лен. Таким образом, дети имитировали сезонные работы, особенности местного сельскохозяйственного производства.

Травы и листья использовали и как предмет для забав. Популярным развлечением было надкусывание зубами сложенных в несколько раз листьев подорожника, бере-

зы, тополя или сирени. Лист в определенном порядке кусали резцами и коренными зубами. Эта забава и состязание были особенно популярны среди девочек и заключались в мастерстве получения сложного рисунка. Такой способ декорирования листьев называли *чильтэр лэсьтон* («делать кружево»), *турын куртчиса* («надкусывать траву»), *пинен пужсьятон* («делать узоры зубами»), *пинен вышиватьтон* («вышивать зубами»). У бесермян она больше известна как *куар пужсьятон* («делать узоры на листьях / вышивать листья»): «*Мы вышивали тополиные листья зубами. Красиво*» (зап. от А.И. Бияновой, 1925 г.р., бесермянки, д. Коротай Глазовского р-на УР [ЛАП 1999]); «*Березовые листья надкусывали. Узоры делали. Надкусывали листья черемухи, ивы. Выбирают листья, что больше нравятся или есть под рукой*» (зап. от А.А. Невоструевой, 1930 г.р., бесермянки, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2001]). Узор, полученный таким способом, отличался большим разнообразием, а орнаментированные листья заменяли в игре текстиль, служили «скатертью», «полотенцем», «отрезами ткани», «одеждой». Дети старались повторить узор тканых изделий, вышивки.

У удмуртов южных районов надкусанные листья в игре заменяли ткани и одежду, были приданы в игре «в свадьбу». Часто смысл игры заключался в создании орнаментов и их сравнении, повторении понравившихся мотивов: «*Брали листья побольше и круглые – подорожника или дерева. Складывали несколько раз и надкусывали его в разных местах. Потом лист разворачивали и разглядывали на просвет "прокусанный" узор*» (зап. от Н.С. Симановой, 1936 г.р., д. Усть-Пышкец Глазовского р-на УР [ЛАП 1999]). По воспоминаниям рассказчиц, число надкусанных листьев иногда могло достигать нескольких десятков. Среди бесермян встречались упоминания о нанесении таким способом узоров на листья лопуха, которые были «скатертью» во время игры «в гости». Декорированные листья заменяли в игре печенье и даже печатные пряники: «*Растения кусали. Красиво получалось. Это у нас уже считалось пряниками и печеньем. Мы их уже называли печеньем, надкусанные листья.* – Какие листья обычно для этого надкусывали? – *Листья*

Узор, сделанный зубами, на листе подорожника. С. Каменное-Заделье Базельинского р-на УР. 2004 г. Фото Е.В. Поповой.

березы, липы, черемухи, какие листья попадают» (зап. от Е.П. Борисовой, 1931 г.р., бесермянки, д. Шамардан Юкаменского р-на УР [ЛАП 2000]).

Такие детские развлечения встречались прежде и у других народов. Например, в первой четверти XX в. В.Н. Чернецов зафиксировал своеобразную художественную игру-состязание среди девочек у южных манси, заключавшееся в нанесении сложных узоров на сложенной в несколько раз бересте путем надкусывания зубами. Орнамент имел определенные названия, изображал следы животных и человека, бытовые предметы [Чернецов 1964].

Другая игра заключалась в том, что листьями и цветами «красили» лоскутки и края головных платков. Растения, сложенные в ткань, надкусывали в нескольких местах, и выделившийся сок окрашивал ткань: «*Я и края платков красила. Их украшали, чтоб красиво идти на игры. Платок покупной украшали, а не из домотканины. Хоть какой лист возьми, он только зеленый получался. <...> Только углы платка, а не кругом. Чтоб только угол было видно. Потом и не знаешь, пройдет это при стирке или нет*» (зап. от Л.А. Вершининой, 1937 г.р., бесермянки, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2001]). Близкий по технологии прием декорирования тканей, известный как *шуккон* (набойка), встречался у бесермян и северных удмуртов. Наносился он следующим способом: листья закладывали в сложенную пополам ткань и по ней били плос-

ким предметом – колотушкой или деревянным поленом. Выделившийся сок окрашивал ткань в местах ударов. Узор мог усложняться не только от характера надкусывания или набивания, но и чередования зеленых листьев и цветных лепестков. Это был симметричный орнамент, так как сок растений выделялся одновременно на нижнюю и верхнюю часть согнутой ткани. Полученный рисунок напоминал цветные набивные ткани и фабричные ситцы. Иногда дети старались скопировать понравившиеся рисунки с тканей. Вся игра часто заключалась в поиске наиболее интересной «набивки». Эти забавы, широко распространенные прежде, современным детям практически неизвестны.

Дети использовали и свойства растений изменять форму / цвет под воздействием воды, температуры. Например, брали стебель одуванчика и, разделив один конец на две или четыре полоски, клали его в рот, произнося при этом несколько раз фразу: «Бубыль-бобыль, бубыль-бобыль!». За счет движения языка и действия слюны полоски скручивались в спирали, напоминающие локоны или кудри. Любопытно, что производимая при этом фраза – производное от *бабылес* («кудрявый»).

К сезонным играм с растениями, имеющими и декоративное назначение, следует отнести изготовление украшений из плодов и растений (бусы, перевязи, серьги), имитирующих традиционные девичьи и женские. Стебли вьюнка, накрученные на шею и свешивающиеся через плечо, заменяли в игре нагрудные женские украшения. Цветы, продетые в мочки ушей, были серьгами. Большой популярностью пользовались бусы из ягод рябины, шиповника, плодов и соцветий картофеля: «Делали бусы из рябины. Нам настоящие бусы не доставались, мы себе собирали из рябины или шиповника» (зап. от Е.В. Барановой, 1939 г.р., с. Бураново Мало-Пургинского р-на УР [ЛАП 2002]). Некоторые самодельные украшения, обычно из плодов, носили долго. Ягоды часто нанизывали вместе с бусами и бисером. Декоративные функции выполняли косы, жгуты, венки из трав и цветов. Приемы их изготовления повторяли технологии, распространенные в традиционном рукоделии, связан-

ном с ткачеством, вязанием, изготовлением плетеной утвари и обуви. Порой процесс плетения уже представлял игру, предполагающую состязание в мастерстве, обмене новыми узорами и технологией.

Отдельные виды растений использовать в игре запрещалось, что было связано с мифологическими представлениями о них. Бесермяне, например, не разрешали детям трогать чертополох, чтобы не вызвать этим ненастья. Растение считали оберегом от колдунов и порчи, его вывешивали у входа в дом и даже носили при себе. Однако при длительной засухе старики просили детей бить по растению палкой или прутом, приговаривая: «Пусть будет дождь!» [Попова 2004, 62]. Использование съедобных растений нового сезона было связано с соблюдением некоторых правил, которые касались и игры. Например, пробуя впервые ягоды или траву, следовало произнести: «*Десь тазалык сет. Таза мед уломы!*» («Дай хорошего здоровья. Жить нам в здравии!») (зап. от Р. Нурисламовой, 1924 г.р., д. Кирга Куединского р-на Пермской обл. [ЛАП 2001]). Первую сорванную ягоду или траву следовало затоптать со словами: «*Та монэ медам вормь, мон тае мед вормом*» («Пусть меня она не осилит, пусть я ее осилю») (зап. от В.П. Поповой, 1941 г.р., бесермянки, д. Жувам Юкаменского р-на УР [ЛАП 2004]).

Детская игровая культура, связанная с изготовлением игрушек, сохранила традиционные способы измерения длины и поверхности, лексику по народной метрологии. Например, *гыжы бытча* («размером с ноготь»), *чиньы бытча* («величиной с палец»), *чиньы пасьта* («толщиной с палец»), *лапа пасьта* («с ладонь»), *кие басьтымон / лапае басьтымон* («можно взять в руку / в ладонь»).

Таким образом, среда обитания и хозяйственные занятия давали широкую возможность для использования в игре растений дикорастущей и культурной флоры. Поскольку подобный материал недолговечен, игрушки порой служили лишь несколько часов, реже – день или два, воспроизводились по мере необходимости. Растения были более доступны, и это позволяло заменять дорогие и трудоемкие материалы, изготовить простые по конструкции и технологии пред-

меты. Именно весенне-летний сезон намного расширял возможности изготовления игрушек и различных приспособлений для игры. Это касалось и игрового пространства, которое летом выходило за пределы жилого помещения.

Собранные материалы позволяют говорить о разнообразной по характеру игровой культуре, сохранившей многие традиционные элементы еще во второй половине XX столетия. Нередко игрушки находят параллели в культуре других народов региона, что связано как с типологией самой игрушки, так и общностью хозяйственно-культурного типа.

Литература

Атлас 1975 – Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1975.

Верещагин 1995 – *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 1995. Т. 1.

Вестник 1997 – Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1997. № 4.

Гиппиус, Эвальд 1941 – *Гиппиус Е.В., Эвальд З.В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки УдНИИ. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 61–88.

Голубкова 1978 – *Голубкова А. Н.* Музыкальная культура Советской Удмуртии. 1917 – 1967. Ижевск, 1978.

Долганова, Морозов, Минасенко 1995 – *Долганова Л.Н., Морозов И.А., Минасенко Е.Н.* Игры и развлечения удмуртов: история и современность. М., 1995.

Карпов 1989 – *Карпов А.М.* Древние музыкальные инструменты (К этнографическому изучению) // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск, 1989. С. 12–22.

Пещерева 1957 – *Пещерева Е.М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 – 1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М.; Л., 1957. С. 22–94.

Попова 2004 – *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004.

Рейнсон 1940 – *Рейнсон А.Н.* Детское самодеятельное творчество в Удмуртии (Детская игрушка-самоделка) // Записки УдНИИ. Вопросы истории Удмуртии. Вып. 9. Ижевск, 1940. С. 121–130.

Чернецов 1964 – *Чернецов В.Н.* Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // Советская этнография. 1964. № 3. С. 53–63.

Список сокращений

ЛАП – личный архив Е.В. Поповой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ФОЛЬКЛОРУ СОТРУДНИКОВ УДМУРТСКОГО ИИЯЛ УрО РАН (1995 – 2005 гг.)

Материалы и исследования

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за вып. Г.А. Никитина; Слово к читателю и послесл. В.М. Ванюшева; Примеч. В.М. Ванюшева, Т.Г. Владыкиной, Л.Н. Долгановой, М.Г. Ивановой, Г.А. Никитиной, Г.Н. Шушаковой. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.: фото. – (Памятники культуры).

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Отв. за вып. Л.С. Христолюбова; Предисл. ко второму тому, примеч., указ. Л.С. Христолюбовой; Комментар. Т.Г. Владыкиной, Л.С. Христолюбовой. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 204 с. – (Памятники культуры).

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Отв. за вып. Г.К. Шкляев; Предисл., прилож. В.М. Ванюшева; Указ., примеч. Г.К. Шкляева; Комментар. Т.Г. Владыкиной, М.Г. Ивановой, Г.А. Никитиной, В.П. Осотовой, Г.К. Шкляева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 311 с. – (Памятники культуры).

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Вып. 1 / Отв. за вып. Г.К. Шкляев; Предисл. В.М. Ванюшева; Прилож. В.В. Напольских; Предметно-темат. указ. Г.К. Шкляева; Комментар. Т.Г. Владыкиной, В.И. Капитоновой, Н.Ю. Сунцовой, Г.К. Шкляева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 251 с. – (Памятники культуры).

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 3: Очерки русских Вятско-Прикамского края. Кн. 2. Вып. 2 / Отв. за вып. Г.К. Шкляев; Предисл. В.М. Ванюшева; Предметно-темат. указ. Г.К. Шкляева и Т.Г. Владыкиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 256 с. + вкл. – (Памятники культуры).

Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки.